

ТАТЬЯНА НОСОВА

**ПЕТЛЯ
НЕВЕРНОГО
ПУТИ**

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ...

Татьяна Носова

Петля неверного пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73296378

SelfPub; 2026

Аннотация

Одного слова иногда достаточно, чтобы разрушить жизнь. Одного «пофиг» – чтобы потерять будущее.

Алексей Жданов, обычный циничный старшеклассник, живёт по простым правилам: школа – пустая трата времени, родители – не понимают, будущее – туманно. Его бунт выливается в публичное унижение учителя и жестокую ссору с матерью. Уверенный в своей правоте, он уходит из дома.

Но обычная поездка в метро оборачивается странным и страшным путешествием. Алексей попадает в петлю времени, где каждая станция – беспощадное воплощение последствий его выбора. «Слово-нож», «Вечный день свободы», «Трясина» – здесь его равнодушие оборачивается предательством, жестокие слова становятся реальными ранами, а желанная свобода ведёт в пропасть.

Чтобы разомкнуть круг и вернуться домой, ему придётся столкнуться с последствиями своего выбора, признать и исправить, то, что ещё можно спасти. И сделать это до того, как поезд в петле доедет до своей конечной станции, откуда возврата нет.

Содержание

Петля неверного пути	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Носова

Петля неверного пути

Петля неверного пути

1 Глава. Последний урок

Конец первой четверти висел в воздухе школы тяжёлым, промозглым октябрьским туманом. За окном в сером мареве беззвучно кружились первые снежинки, и тут же таяли на асфальте. Не снег, а призрак – мимолётный и печальный.

Последний урок – алгебра. В кабинете №34 стояла та самая, режущая уши тишина, которая бывает только перед грозой или после неё. Не тишина сосредоточенности, а напряжённая, густая, нездоровая. Та, что давит на барабанные перепонки и заставляет непроизвольно сдерживать дыхание. Даже самые отъявленные болтуны сидели, уткнувшись в парты, и только приглушённый скрип ручки по бумаге нарушал гнетущий покой.

Доска была чистой. Совершенно, неестественно чистой. На учительском столе, ровно по центру, лежала стопка бумаг – результаты пробного ЕГЭ. Углы листов были идеально совмещены, а верхний лист сиял тревожной, официальной

белизной под светом люминесцентных ламп. Эта стопка казалась самым громким предметом в комнате.

Учитель, Игорь Витальевич, стоял возле стола, перелистывая папку с результатами пробного ЕГЭ. Мужчина лет пятидесяти, в строгом, но поношенном костюме, с лицом, на котором усталость высекла глубокие морщины у рта и между бровей. Он не был тираном. Скорее просто уставшим человеком, пытавшимся вложить хоть что-то в головы тех, кому это, казалось, не нужно. Его голос, монотонный и лишённый всякой надежды на энтузиазм, бубнил список:

– Соловьёв Сергей – восемьдесят семь. Молодец. Кузнецова Анна – семьдесят девять... – В первом ряду, за третьей партой у окна, Алексей занимал пространство с вызывающей небрежностью. Он завалился на стул, откинув спину так низко, что та заскрипела под весом, и выбросил вперёд ноги в стоптанных кроссовках, перегородив проход бесцеремонной баррикадой. В руке, под партой, жил яркий прямоугольник иного мира. Наушники в ушах глушили реальность, но не полностью. Он смотрел короткий, туповатый стрим и время от времени фыркал в кулак: не от смеха, а от презрительного, внутреннего скулежа. Вся его поза кричала о вызове громче, чем любой бунтарский лозунг. – Жданов Алексей, – голос Игоря Витальевича дрогнул, стал чуть тише. Он поднял глаза, посмотрел прямо на Лёшу, и во взгляде мелькнуло не злорадство, а что-то похожее на досаду, разочарование.

Лёша, полностью погрузился в яркий мир на экране, где

виртуальный персонаж как раз уворачивался от очередной атаки. Голос учителя, монотонный и приглушённый музыкой, не долетел до его сознания. Он даже не пошевелился.

Тогда с соседней парты, Аня, тихо, но отчётливо ткнула его острым локтем в плечо. Удар вышел несильным, но неожиданным, заставившим тело вздрогнуть и вырваться из цифрового транса.

– Тебя вызывают, – прошептала она, не поворачивая головы, уставилась в учебник.

Лёша резко поднял взгляд, сначала на Аню с немым вопросом и досадой в глазах, а потом – на учителя, чьё терпение, судя по скрещённым на груди рукам и напряжённому молчанию, было на исходе. Только тогда, с запозданием на пару секунд, он медленно, с преувеличенной неохотой, потянулся к уху. Вытащил один наушник, и тот, щёлкнув, повис на шнурке, извергая в пространство класса приглушённые, шипящие звуки битвы.

– Чё, надо? – вырвалось у него хрипло, и это слово повисло в тишине кабинета, прозвучав грубее и громче, чем сам ожидал.

– Жданов, плохо, тридцать два балла, – чётко, без эмоций, произнёс учитель. В классе на мгновение повисло молчание, затем кто-то сдержанно хихикнул.

В Лёше что-то ёкнуло: не стыд за оценку, а злость за то, что его потревожили и выставили на всеобщее обозрение. Он швырнул телефон на парту с таким грохотом, что класс

вздвогнул.

– Ну и что? – его голос прозвучал громко и вызывающе. – Сами-то попробовали бы сдать... этот ваш тест! Строите здесь из себя непонятно кого, формулы зубрите... Да кому в жизни нужна ваша алгебра? Толку от неё нет? Вы же... – Он сделал язвительную паузу, взгляд скользнул по поношенному костюму учителя, по выцветшим стенам кабинета.

Игорь Витальевич не кричал. Он опустил папку, обвёл взглядом класс, а после снова остановил на Лёше. В глазах была та самая ледяная усталость, которая страшнее любого гнева.

– Если тебе не нужна алгебра, Алексей, – произнёс учитель тихо, но так, что слышно каждое слово, – то ты свободен. Собери вещи. И вон из класса.

Лёша вскочил так резко, что стул с грохотом упал назад. Парень швырнул учебник в рюкзак, не закрывая, вставил наушники в уши.

– Ну, и подумашь! – бросил он через плечо, направляясь к двери. – Больно хотелось сидеть на уроке, от которого тошнит... Работаете в муниципальной, захудалой школе. Простым учителем. За мизерную зарплату. Ни жены, ни детей... Живёте в двушке, с матерью, да? И считаете, что все вот также должны жить? Да вы просто... неудачник. И учите нас быть такими же? Толку от ваших знаний, если они ни к чему не привели?

Наступила гробовая тишина. Даже те, кто до этого тихо

хихикал, замерли. В классе повисло напряжение, что, казалось, воздух загустел до состояния стёкла. Несколько девочек в первом ряду разинули рты, одна из них покраснела и потупила взгляд, словно от стыда. Парень с задней парты, обычно такой же шумный, застыл, уставившись на Лёшу широко раскрытыми глазами – в них читался не восторг, а чистый шок.

Серёга Соловьёв, сидевший через ряд, резко обернулся. Его обычно спокойное, сосредоточенное лицо исказила гримаса отвращения. Он не сказал ни слова, но его взгляд, полный холодного презрения, был красноречивее любой отповеди. Одноклассник медленно покачал головой и отвернулся, всем видом показывая, что Лёша перешёл какую-то последнюю черту, за которой уже нет ничего общего.

Игорь Витальевич не двинулся с места. Только пальцы, лежащие на папке, побелели в суставах. Учитель не смотрел на Лёшу. Взгляд устремился куда-то в пространство перед собой, и на его лице не было ни гнева, ни даже обиды, только глубокое, леденящее душу утомление, будто только что получил не словесный удар, а диагноз всей своей жизни, и этот диагноз оказался верным. Тихая реакция оказалась страшнее любой истерики. Все в классе сидели, не шелохнувшись, подавленные тяжестью того, что только что произошло. Не скандалом. А публичной казнью человеческого достоинства, и каждый в кабинете алгебры стал её немым свидетелем.

Дверь захлопнулась за ним с оглушительным треском.

Лёша шёл по пустому, звонкому коридору, и адреналин от своего «подвига» горел в жилах, смешиваясь с кислой горечью унижения. Он зашёл в школьную раздевалку, нашёл свою куртку и, надев, достал телефон, набрал номер, и уже через секунду в трубке послышался знакомый ленивый голос.

– Слышь, братан, – выдохнул Лёша, распахивая тяжёлую входную дверь школы. Холодный воздух ударил в лицо. – Чё киснем? Пойдём лучше потусим, че зря время транжирить на эту мутатень. Жду у ворот, прямо щас подскочишь?

Через десять минут из школьных дверей выскочил Пётр. Высокий, худощавый, с огненным, небрежно взъерошенным рыжим чубом, который, казалось, не боялся ни ветра, ни правил. Лицо узкое, с хищными скулами и постоянной, чуть кривой ухмылкой. В зелёных глазах светилась не умная мысль, а азартная искра ожидания приключения, любой ценой. На нём было такое же, как у Лёши, чёрное худи с капюшоном, надетое под куртку, и потрёпанные джинсы.

– Лёха! – крикнул Петя, подходя и ударяя его кулаком по плечу. – Слился, да? Зашибись!

– Задолбало всё, – буркнул Лёша, но в зрачках уже отражалась ухмылка Петра. – Поехали куда-нибудь, где людей нет.

– Людей везде полно, братуха, – философски заметил Петя, доставая из кармана пачку сигарет. – Но есть места, где им на тебя пофиг. Пойдём, я знаю одну хату.

И они зашагали прочь от серого здания с его оценками, правилами и уставшими учителями. Впереди ожидал вечер без обязательств. Свобода. Холодная, пустая и такая желанная. Они не оглядывались, поэтому не видели, как в окне кабинета алгебры, отодвинув жалюзи, за их удаляющимися фигурами с минуту смотрел Игорь Витальевич. Он не злился, просто покачал головой, и во взгляде читалось, то самое предчувствие беды, которое так хорошо знают взрослые и так яростно отрицают подростки. Отпустив складку жалюзи, медленно повернулся к оставшимся в классе, к своим цифрам и формулам, которые, как он знал, уже ничем не помогут тому, кто только что выбрал другую дорогу... Дорогу, ведущую не в будущее, а в осенние сумерки.

2 Глава. Точка срыва

Октябрь окончательно растворился в рыжем месиве опавшей листвы, слякоти под колёсами машин и низком, свинцовом небе, из которого непрерывно сеялась, то морось, то колющий ледяной дождик. Ветер гудел в щелях рам, выстукивая на стекле тоскливый, бесконечный мотив.

В квартире было душно от включённых батарей и стоячего воздуха. Пахло не просто усталостью – пахло перегоревшим молоком, подгузниками, пылью с вытертых поверхностей и тяжёлым, сладковатым запахом перезрелых яблок, которые вот уже неделю лежали в вазе на кухне, никем не вос-

требуемые. Алексей лежал на кровати, уставившись в яркий, гипнотизирующий экран телефона. Ещё одна бесцельная катка, ещё один стрим, сливающий время в цифровую канализацию, где не было ни слякоти за окном, ни густого, домашнего запаха безысходности. Главное – не вылезать наружу. Туда, где властвовали реальные, неотменимые проблемы, плотные, как октябрьский туман.

– Лёш! Ты вообще меня слышишь? – Голос матери, прорезавший грохот виртуального сражения, звучал как наждак по стеклу.

Алексей мысленно прибавил громкость в наушниках. Не сейчас. Вот только не сейчас.

Но дверь в его комнату уже распаивалась. Татьяна Викторовна стояла на пороге, прижимая к себе Владика. Мальчик хныкал, размазывая по её блузке следы манной каши. В глазах матери плавала та самая смесь – выгоревшая усталость и искрящийся, накопленный за день раздражённый заряд.

– Я уже в пятый раз прошу! Вынеси мусор. Пока я Влада буду укладывать, сбегай в магазин за хлебом. И не забудь, – она сделала ударение на этих словах, – в шесть встретить Сашу из школы. Не хочу, чтобы один шёл в темноте.

– Мааам, – застонал Алексей, не отрывая взгляда от экрана. – Я же занят. У меня планы. Петя ждёт.

– Твои планы могут подождать! – голос её дрогнул, прорываясь сквозь усталость. – У меня руки отваливаются! Па-

па на работе, я одна с двумя, а ты... Ты как будто не член семьи! Как квартирант, которого кормят и поят! Пришёл, поел, поспал и свалил. Мы тебя практически не видим! – Она сделала шаг вперёд, лицо, обычно бледное, покраснелось от возмущения. – Инна Ивановна звонила! Говорит, ты уже три занятия по английскому пропустил. Деньги на ветер, да? И по дому – ноль помощи! Ноль! Так не может продолжаться, Алексей! Ты же взрослый, а видишь себя хуже малолетнего ребёнка.

Это слово «квартирант» вонзилось куда-то под рёбра. Алексей швырнул телефон на подушку и вскочил.

– Ага, член семьи! Только когда надо что-то сделать! А спросить, чего я хочу? Куда мне поступать? О чём я мечтаю? Нет! Просто, учись, помогай, будешь инженером, как папа! С чего вы решили, что я вообще хочу куда-то поступать? Может, я не хочу быть как папа? Не хочу всю жизнь быть как вы – уставшие и злые?

– Как мы? – Татьяна Викторовна побледнела. Владик, почуввав накал, заплакал громче. – Мы кровь из носу тянем, чтобы дать тебе будущее! А ты забил на обязанности, живёшь в своё удовольствие и ни о чём не задумываешься! Сидишь в своём телефоне сутками. Или с этим Петром своим, который...

– Не трогай Петра! Он меня понимает, в отличие от вас! – крикнул Алексей, прорываясь в коридор, наспех натягивая куртку.

– Куда ты? Алексей, я тебе приказываю, останься дома! Сашу встретишь...

– Встречай сама! – выпалил он, хватая ключи с тумбочки. В глазах у матери мелькнуло что-то отчаянное, и это лишь подлило масла в огонь его обиды. – У меня своя жизнь! И я не собираюсь её тратить на всякие глупости... Не маленький. Как-нибудь дойдёт... Меня же в его годы никто не встречал... И ничего, живой... Все как-то справлялись без этой гиперопеки.

– Лёша, подожди... – в голосе матери вдруг проступила трещина, не злость, а паника. Но было поздно.

Сын стоял уже на пороге, держась за ручку двери. Холод с лестничной клетки обдувал его раскалённое лицо. Он обернулся и увидел её – с растрёпанными волосами, с плачущим ребёнком на руках, маленькую и вдруг бесконечно измотанную. И это зрелище не вызвало жалости, а лишь подлило масла в огонь ярости. Всё, что он думал тайком, сложилось в убийственную фразу:

– Знаешь что? Чем скорее мне стукнет восемнадцать, тем лучше. Забуду я про вас, вечные обязанности и этот душный мирок. И вы про меня забудете. Всем будет только легче. – Он не дал ей ответить. Рывком вышел на площадку, и дверь захлопнулась за ним с таким финальным щелчком, будто захлопнулась крышка гроба.

Внутри в наступившей тишине, нарушаемой только всхлипами Влада, Татьяна Викторовна медленно опустилась

на табурет в прихожей. Рука непроизвольно сжалась на груди, где что-то остро и колющее сдавило дыхание. «Саша... — вдруг вспомнила она, глядя на часы. Без четверти шесть. — Он же не встретит...»

Но догнать его уже не представляло возможности. Алексей мчался вниз по лестнице, на свободу. На встречу с Петькой и весельем, с жизнью без обязательств. Мысль о младшем брате, который через полчаса будет один переходить оживлённую дорогу от школы, даже не мелькнула в его воспалённом сознании: просто вылетела из головы, как ненужный сор. Как всё, что связывало его с опостылевшим домом.

3 Глава. Станция «Безразличие»

Холодный ветер на улице был отрезвляющим и желанным. Он выдувал из Лёши остатки адреналина от ссоры, оставляя лишь пустую, горьковатую злость. «Забуду про вас, а вы про меня». Фраза звенела в ушах навязчивым, победным рефреном. Он почти бежал к знакомой красно-белой букве «М», чувствуя, как с каждым шагом груз квартиры, криков, плача брата слетает с плеч. Впереди ждала свобода. Петька, тусовка, тёплая подворотня с друзьями, где его понимают и не пилят.

Метро встретило его привычным гулом и сыростью. Он спустился по эскалатору, не глядя на спешащих навстречу людей, прошагал мимо ларьков с дешёвыми игрушками и су-

венирами, пробил карту у турникета. Платформа была полна народу. Как обычно. Школьники его возраста или помладше, с рюкзаками, оружие и смеющиеся; студенты, уткнувшиеся в ноутбуки или телефоны; пара влюблённых, слившихся в поцелуе у колонны. Лёша машинально окинул взглядом толпу. Что-то было не так, но его сознание, зашоренное обидой, отказывалось улавливать детали. Не хватало... чего? Да ладно. Он видел пару полицейских в бронежилетах, скучающих у стены, и работника метро в синей форме, проверявшего билеты. Взрослых пассажиров, тех самых усталых «дядек и тёток» с сумками-тележками, не было. Вообще. Но он этого не заметил. Его мозг вычёркивал аномалию, как ненужный шум.

Подземный ветерок, предвестник поезда, рванул на встречу. С рёвом и скрежетом в тоннель ворвались жёлтые огни, и состав, шипя, замер у платформы. Двери разъехались. Лёша вошёл в ярко освещённый вагон, прислонился к стеклянной перегородке, достал телефон. На экране – обрывки переписки с Петькой: «Жду, где ты?», «Выезжаю сейчас», «Чётко, братан». Он уткнулся в экран, отгородившись от мира. Отражение лица в тёмном стекле было хмурым и отчуждённым. Лёша не смотрел в окно. Не видел, как знакомые станции мелькали за стеклом с какой-то неестественной, ускоренной скоростью, их названия, сливаясь в цветные полосы. Лёша думал о том, как будет рассказывать Петру о своём «геройском» уходе. Как они посмеются над «предка-

ми». Как он, наконец, заживёт.

Голос профессионального диктора, обычно такой чёткий, прозвучал немного нараспев, странным эхом:

– Следующая станция...

Название он разобрал с трудом. Но станция, где ему нужно было выходить к дому Пети показалось незнакомой. «Чёрт, проехал, – мелькнула мысль. Злость – уже привычный спутник – кольнула снова. – Ну и ладно. Выйду на следующей, перейду на другую сторону».

Поезд остановился. Двери открылись. Лёша, нехотя оторвавшись от телефона, вышел на платформу. Станция вроде... знакомая. Та же серая мраморная крошка под ногами, те же светильники в виде факелов. Но воздух стал другим. Холоднее. И пахло не метро, а промозглой осенней листвой и сырой штукатуркой. Он направился к эскалатору, который вёл наверх. Ноги сами понесли вверх, будто по накатанной колее, хотя разум говорил, что нужно идти на переход. Он не сопротивлялся. Какая разница? Выйду, сориентируюсь.

Лёша оказался на улице. И снова – дежавю. Та же панельная девятиэтажка, напротив, тот же сквер с голыми деревьями. Его район... двор. Но время словно спуталось. На улице, тот же хмурый осенний день, но свет иной, приглушённый, будто сквозь грязное стекло.

И вдруг он увидел... Из-за угла школы, прижимаясь к холодной кирпичной стене, стоял Сашка. Не тот Сашка-пятиклассник, каким он видел его дома, а... повзрослевший. Ли-

цо более вытянутое, детская пухлость щёк ушла. Куртка явно стала мала, рукава заканчивались далеко выше кистей. Он ждал. Переминался с ноги на ногу, беспокойно озираясь по сторонам, то и дело поглядывая на большие часы на школьном фасаде. Его взгляд скользил по тротуару, выискивая знакомую фигуру в толпе таких же расходящихся по домам ребят. Шесть часов. Десять минут седьмого. Двадцать... Надежда в глазах медленно гасла, сменяясь сначала обидой, потом досадой, а затем – тем самым, липким, щемящим страхом, который заставляет сжиматься сердце. Брат не пришёл. Опять. Саша тяжело вздохнул, поправил рюкзак, набитый до отказа учебниками, и, оглянувшись в последний раз, решительно зашагал в сторону дома. Он шёл быстро, почти бежал, но не от радости, а стремясь поскорее миновать пустынные дворы и тёмные проулки.

Из-за гаража, словно тени, выращенные самой сгущающейся темнотой, отделились трое. Подростки лет шестнадцати. Со стороны – такие же, как Лёша и его компания. Но было в их медленной, развязной походке, в холодных, скользящих взглядах что-то иное – чужая, отчуждённая жестокость, натренированная на слабых. Они бесшумно перегородили Саше дорогу, встав живой стеной.

– Эй, мелкий! – голос старшего, тощего с сигаретой в зубах, прозвучал нарочито громко, разрывая вечернюю тишину. Он медленно выдохнул дым Саше в лицо. – Давай побыстрому, культурно. Бабло есть на сиги?

Саша замер, инстинктивно прижав к груди рюкзак, как щит. Его лицо побелело.

– Н-нету,– прошептал он, и голос, сорвавшись, зазвучал тонко и жалко.

– Не свисти? – Тощий прищурился. – Давай рюкзак, проверим. Зажал, да? Так и скажи.

– Нет! – Саша сделал шаг назад, но двое других уже сомкнули кольцо. От их близости пахло перегаром и дешёвым табаком. – Отстаньте! Я... я брату всё расскажу. Он... в одиннадцатом учится, он...

– Слыхали мы про твоего братца! – коренастый парень с тупым, плоским лицом грубо перебил его. – О, боевой какой, братцем прикрывается! А где же он, защитник-то? – Быстрым, отработанным движением он вырвал у Саши рюкзак. Пластиковая застёжка фастекса со щелчком лопнула, не выдержав рывка. Тетради, учебник, пенал с грохотом и звоном распались по мокрому асфальту, тут же впитывая грязную воду из лужи. – И это весь твой клад! – захохотал он, пиная ногой раскиданные вещи. – Фу, нищеврод!

– Верните! – взвизгнул Саша, и в этом крике слышалась уже не злость, а отчаяние. Он бросился вперёд, пытаясь схватить хотя бы дневник. Тощий парень легко отпихнул его в грудь, заставив захлебнуться. Коренастый, забавы ради, ловко подставил подножку.

Саша полетел вперёд, не успев даже вскрикнуть, и с размаху шлёпнулся в лужу. Грязная, ледяная вода брызнула во

все стороны, залив лицо и куртку. Он лежал, оглушённый падением, унижением и холодом.

– Опа, глянь-ка! – заржал третий, до этого молча наблюдавший. – Свинья в луже плескается! Ну ты и токсик, сопляк.

Тощий с сигаретой, наклонился над ним, и его лицо исказила кривая ухмылка.

– Вот тебе урок, щегол. Чтоб знал, как на старших выживать со своим «братаном». Запомни: твой брат – лошара, раз тебя одного кинул. И ты такой же... – он, не спеша, методично, ударил Сашу согнутой в колене ногой вбок. Раз. Саша скрючился, издав сдавленный хрип. Два. Тихий, детский стон. Три.

– Стой, тварь! Я тебя урою... Отвали от него... – закричал Алексей. Крик вырвался из его горла сам по себе, рваный, полный дикой ярости и ужаса. Он рванулся вперёд, сжимая кулаки, готовый разорвать этих гнилых тварей.

Но они даже не вздрогнули. Будто не слышали. Его ноги бежали по асфальту, но расстояние не сокращалось, словно приковали к месту невидимой стеной, вынужденный только смотреть.

Саша, рыдая, вырвался из-под ударов, отполз, встал на колени, потом на ноги. По его лицу текла грязь, кровь из разбитой губы смешивалась со слезами. Он посмотрел прямо в сторону Лёши, но взгляд был пустым, несфокусированным, он смотрел сквозь. Потом, схватив с земли единственную тетрадь, побежал. Не домой. Куда-то в переулок, сби-

ваясь, спотыкаясь, прижимая окровавленную ладонь к разбитому боку.

А трое «старших», посмеиваясь, потоптались на его рассыпанных вещах и также неспешно растворились за углом гаража.

Лёша стоял, не в силах пошевелиться, будто воздух выжимали из лёгких. Лёша смотрел на валявшийся в луже рюкзак Саши, на растоптанный учебник по русскому языку, на сломанную жёлтую линейку. Это была его вина. Чистая, простая, как этот осенний день. Он не пришёл. Не встретил. Оставил одиннадцатилетнего брата одного в этом сером, жестоком мире. И мир этот не преминул показать своё настоящее лицо.

Из динамика у подъезда донёсся голос, но не диктора метро, а странный, металлический, будто из прошлого века:

– Станция «Безразличие». П посадка на поезд следования по кругу окончена. Следующая станция...

Лёша обернулся. Вход в метро зиял за спиной чёрным провалом. Он больше не хотел к Пете. Он хотел домой. Нужно было найти Сашку. Объяснить. Извиниться. Защитить.

Он бросился обратно, к эскалатору. Но спустившись, не увидел поезда, ожидающего на той стороне, только туннель, уходящий в темноту, и на противоположной стене – огромное, мутное зеркало. В нём отражался он сам: бледный, с глазами, полными ужаса. А за его отражением, как призрак, стоял другой Саша – не плачущий, а ожесточённый, с синяком

под глазом и новой, чужой, колючей ненавистью во взгляде. Саша, который больше не верит старшему брату. Младший брат, который завтра, возможно, сам пойдёт искать «справедливости» в такой же подворотне.

Поезд, беззвучный и чёрный, подъехал сзади. Двери открылись перед ним, будто пасть. Внутри было пусто и темно.

У него не осталось выбора. Только путь вперёд. Сквозь петлю последствий.

4 Глава. Станция «Слово-нож»

Чёрный поезд не издавал звуков, только тихо вибрировал рельсами. Алексей стоял посередине пустого вагона, прислонившись лбом к металлическому поручню. Перед глазами всё ещё плясали картинки: растоптанный рюкзак, кровь на губе Сашки, его собственный беспомощный крик в пустоту. В ушах стоял звон. Или это...

Виб-виб. Виб-виб. Он судорожно полез в карман куртки, достал телефон. На экране светилось: «Мама». Тот самый звонок, что он проигнорировал, выбегая из дома. Его палец замер над кнопкой ответа. Сердце заколотилось. Ему страшно было слышать голос мамы, ее всхлипывания или гнев. Но ещё страшнее то, что происходило сейчас. Он потянулся к экрану, но в этот момент поезд с глухим стуком остановился. Двери открылись. Гулкий, пропитанный антисептиком воздух ударил в лицо.

– Станция «Слово-нож», – проскрипел механический голос, и в ровном тоне вдруг зазвучали чужие, живые ноты: холодной обиды, немого упрёка, зловещего обвинения. Звук похожий на скрип ржавых петель где-то в глубине души.

Алексей вышел. Он оказался не в подземном зале, а в длинном, бесконечном, слабо освещённом коридоре. Стены выкрашены в тусклый, больничный зелёный цвет, под ногами – линолеум, потёртый до дыр в местах наибольшего прохода. Точно такие же полы он видел в районной поликлинике, куда ходил за справками. Но здесь было пустынно и безнадёжно тихо. Окна в коридоре выходили не на улицу, а в сплошную, удушающую темноту, в которой лишь изредка мерцали невнятные, пульсирующие тени. Он пошёл, не зная куда. Пространство, казалось, само направляло его, подворачивая под ступни нужные повороты. Или это была сила тяжести воспоминания, неумолимо тянувшаяся его к одной единственной двери с табличкой «Кардиология. Реанимационный блок». Сквозь узкое, мутное стекло он увидел её. Маму.

Татьяна Викторовна лежала на высокой койке, бледная, как простыня, к которой присоединялись тонкие трубки и провода. Рядом мерно пикал и мигал монитор, вычерчивая зелёный зубчатый график её жизни. Рядом, на стуле, сгорбившись, сидел отец. Он выглядел иначе, не тот подтянутый, крепкий, немного суровый с чуть уставшим выражением лица, с которым Лёша общался утром. Перед ним сидел слом-

ленный человек. Глаза впалые, щетина седая, рубашка помята. Он держал ладонь жены в своих и что-то беззвучно шептал. Алексей прилип к стеклу, не в силах оторваться. В груди что-то сжалось в ледяной ком.

В палату вошла врач – невысокая, сутуловатая женщина в выцветшем синем халате. Её короткая, практичная стрижка слегка растрепалась, словно она недавно снимала шапочку. На переносице держались большие, круглые очки в тонкой металлической оправе – старомодные, но тщательно протёртые. Они увеличивали её глаза, делая взгляд одновременно утомлённым и необычайно внимательным. Она молча подошла к монитору, щёлкнула кнопкой, изучая бегущие зелёные линии. Её движения были точными, автоматическими – видно, что этот ритуал она совершала много раз. Затем проверила капельницу, поправила регулятор подачи жидкости лёгким движением пальцев. Вся её фигура источала не столько профессионализм, сколько глухое, накопленное годами истощающее изнеможение, но именно оно делало её действия такими безошибочными и бережными.

– Евгений Александрович, – обратилась она, – идите домой. Вам нужно отдохнуть. Татьяна Викторовна стабильна... у нее случился сильнейший гипертонический криз. Фактор стресса колоссальный. Она в бреду повторяла: «Забудет... он забудет про нас...» Что она имела в виду?

Отец поднял голову. Во взгляде читалась не злость на сына, а бесконечная, всепоглощающая боль и растерянность.

– Танюша... поссорилась с Лёшей. Со старшим. Он ушёл. Сказал что-то... очень жестокое. Она пыталась до него дозвониться, но сын не отвечал. Потом схватила за сердце... – Евгений Александрович снова опустил голову на её руку. – Я на работе был, когда Сашка позвонил. Молодец, не растерялся, во время вызвал скорую... А вот Владик всё время плачет, ищет маму. Бабушка с ним не справляется, а больше некого попросить за ним приглядеть.

Слова отца лишённые упрёка, ударили Лёшу с новой, неожиданной стороны. Владик. Годовалый комочек, который ещё не умел говорить, только смеялся, хватая всех за пальцы. Лёша редко думал о нём всерьёз – просто ещё один голодный рот, источник шума и проблем. Но теперь, сквозь отцовские слова, он с жуткой ясностью увидел: его взрыв, жестокие слова, демонстративный уход – стали землетрясением, разрушивший весь хрупкий мир малыша. Тот, кто кормил, обнимал, чей запах означал безопасность, – исчез. И он, Лёша, нажал на спусковой крючок этого исчезновения. В груди что-то сжалось, стало холодно и пусто. Он представлял бесконечный, неосознанный плач, маленькие руки, тянущиеся в пустоту. Его ядовитые слова, направленные, как он думал, лишь на одного человека, оказались отравой замедленного действия. Они поразили мать, отравили отца, сорвав его с работы, и Сашку, заставив вызывать скорую, и теперь – крошечного, ничего не понимающего брата, чья единственная вина заключалась в зависимости от той, кого Лёша ре-

шил ранить. Петля последствий затягивалась туже, и он даже не представлял её истинного размера. Он полагал, что разрушает что-то своё. Оказалось – рушил их общий дом, где самые слабые оказались под самыми тяжёлыми обломками.

– Вот и идите к ребёнку, Татьяне Викторовне вы ничем не поможете. Я за ней просмотрю.

Алексей отшатнулся от двери, словно ударило током. «Забудет про нас». Его слова висели в воздухе, как ядовитый газ. Он не просто нагрубил – запустил механизм, последнее звено, которое было вот здесь, на мониторе, в слабом биении зелёной линии. Слова оказались ножом и он даже не понял, как вонзил.

Виб-виб. Виб-виб. Телефон в кармане снова заходил ходуном. «Мама». Тот же вызов. Он смотрел на экран, на родителей и должен был ответить, крикнуть: «Мама, я здесь! Прости! Я не хотел, чтоб так все вышло! Всё будет хорошо!» Но когда попытался принять вызов, палец прошёл сквозь телефон. Он не мог. Петля времени не позволила. Алексей был лишь наблюдателем в кошмаре, который сам же и создал. Вдруг он заметил деталь. На подоконнике в коридоре, прямо напротив палаты, стоял маленький, плюшевый мишка в забавной футболке. Тот самый мишка, которого год назад он выиграл для Влада на школьной ярмарке. Ярко-розовая футболка уже выцвела, один глаз пришит кое-как. Реальность вплелась в кошмар знакомой, жутковатой нитью. А за окном, в полосе темноты, он увидел силуэт. Тощего бродячего ко-

та, который вечно крутился у их подъезда. Кот сидел, свернувшись калачиком, на каком-то несуществующем карнизе и смотрел на Лёшу пустыми, светящимися глазами. Смотрел как судья. Из репродуктора под потолком зашипело и прозвучало:

– Станция «Слово-нож». Отправление. Следующая станция – «Вечный день свободы».

Поезд стоял прямо за его спиной, двери раскрыты. Алексей бросил последний взгляд на палату, где отец плакал, держа руку матери, и где собственные слова тихо умирали в писке аппаратуры. Он зашагал к вагону. Теперь плечи были согнуты под невидимым грузом, в тысячу раз тяжелее, чем мусорное ведро, которое он не захотел выносить. Алексей сел на холодное сиденье. В кармане, будто насмехаясь, снова завибрировал телефон. Алексей проигнорировал. Он просто сжал голову руками, пытаясь заглушить звон, писк монитора и эхо собственных слов, которые теперь навсегда жили в белом, пахнущем смертью коридоре. Путешествие только начиналось, и каждый предыдущий выбор превращался в станцию, где его ждали и судили.

5 Глава. Станция «Вечный день свободы»

Поезд резко остановился, и Лёшу отбросило к дверям. На этот раз его встретил не шум толпы, а глухой, утробный бас, пробивающийся сквозь стены. Тум-тум-тум-тум. Музы-

ка, знакомая до боли: тот самый трек, который они с Петькой ставили на прошлых выходных, заливая его энергетиком, пивом и сигаретами. Только здесь звук был тяжелее, будто замешали с сажей и битым стеклом.

Двери разъехались с лязгом. Вместо знакомой стерильности вагона и бесконечной платформы «Вечного дня Свободы» его ударил спертый, густой воздух обшарпанной лестничной клетки. Грязные стены, исчерченные потускневшими граффити, кривая металлическая решётка на окне, заляпанная неизвестно чем. И запах – это был настоящий коктейль из едкой уличной мочи, перегара, кислой плесени, въевшейся в штукатурку, и чего-то ещё, гнилостного, от чего сводило скулы.

Дом лучшего друга. Пятый этаж хрущевке. Каждая деталь совпадала до мучительной точности: сколотые перила, трещина на потолке в форме молнии. Но что-то было не так. Воздух висел не просто застоявшийся, а напряжённый, словно сама тишина между этажами чего-то ждала. И этот чужой сладковатый шлейф... Его здесь раньше не было.

Алексей поднял глаза и замер. Над дверью квартиры № 52, красовался старый, облупленный новогодний венок из мишуры. Пластиковые «ягоды» потускнели до грязно-бурого, почти ржавого цвета, а зелёная проволока торчала клочьями, будто пытались оторвать, но бросили. Тот самый. С облезлым красным бантом, который он когда-то поправлял пальцем. Тот, что годами пылился у них в кладовке в кар-

тонной коробке с елочными игрушками. Мать всё ворчала: «Выбросить надо эту пыльную дрянь», но так и не решилась, жалко.

По спине Лёши пробежал холодный, липкий пот. Мурашки сжимали кожу, заставляя сердце биться где-то в горле, глухо и часто. Это был не сюрреализм – акт хирургической жестокости. Немытая чашка в раковине чужого дома. Точная, неоспоримая деталь его собственной, скучной, реальной жизни, вколоченная в искажённый подъезд как улика. Здесь всё казалось чужим и неправильным, но этот жалкий клочок мишуры кричал о катастрофе громче любых теней. Он стал маяком, но не ведущим к дому. Он светил ровно в одну точку: ты не просто заблудился. Тебя принесли сюда как вещь.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Из щели вырывались басовитые удары музыки, прихватывая с собой волну перега-ра, прокуренной ткани и чего-то сладковато-приторного, химического – пахло дешёвым порошком и плавящимся пластиком. Лёша толкнул дверь и вошёл.

Открывшаяся картина оказалась до мурашек узнаваемой и чудовищно искажённой. Та самая квартира Петра, достав-шаяся от бабки, с убитой стенкой и треснутым экраном телеви-зора, на котором беззвучно корчились тени. Но привыч-ный хаос клокотал безумием.

Воздух гудел от криков и рвущего внутренности баса. В центре зала, под мигающей лампочкой, сросшаяся в одном ритме толпа тел дёргалась в безудержном танце. Кто-то уже

отключился и лежал в углу. Резкий, жжёный запах «травки» плотной пеленой висел над диваном, где несколько фигур, сплетённых в неестественных позах, уже не скрывали ничего – их откровенность стала агрессивной, публичной. Со стороны кухни доносились дикие взрывы хохота: кто-то, свесившись с балкона, поливал пивом невидимых прохожих, а его друзья отсчитывали каждый ударный всплеск брани снизу. Везде валялись бутылки, банки, окурки; липкая лужа расползалась по линолеуму. Это было уже не просто шумное собрание – здесь бушевал разнузданный, ритуал самоуничтожения, и каждый присутствующий казался его одержимым адептом.

Петя развалился на продавленном диване. Не дерзкий заводила с искоркой авантюризма, а Петя-тень. Одутловатая физиономия, кожа сероватая, под глазами – сизые мешки. На шее красовалась свежая царапина, как от драки. Он тупо уставился в пространство, слабо покачивая головой в такт музыке. Рядом, вплотную к нему сидела девушка: вызывающе короткое чёрное платье, сетчатые колготы, тяжёлые ботинки на платформе. Макияж – театральный и готический: фарфорово-белая пудра, подводка, уводящая к вискам, иссиня-чёрная помада. Она напоминала куклу-гота, вытащенную из коробки и небрежно брошенную в этот хлам. Её глаза, такие же бесцветные и стеклянные, как у большинства устремились в никуда. Она не реагировала ни на Лёшу, ни на происходящее вокруг, будто её сознание отключили, оставив

лишь оболочку, стилизованную под живого мертвеца.

Вокруг – человек десять. Знакомые лица: кто-то из параллельных классов, кто-то с района. Но все они выглядели на пять-семь лет старше. И не от взросления, а от износа. Выцветшие волосы, потрёпанный вид, одежда с пятнами. Они курили, что-то лениво передавая по кругу самокрутку с непривычным, едким запахом. На столе, заставленном пустыми банками и бутылками, среди крошек чипсов разбросаны разорванные блистеры от каких-то таблеток и свёрнутые в трубочку купюры.

Это была не весёлая, бунтарская тусовка. Сборище. Мёртвый, зацикленный ритуал побега от реальности, который давно перестал приносить удовольствие.

– О, Жданов, заходи! – крикнул заплетающийся голос.

Лёша обернулся. На пороге, прислонившись к косяку, стоял Дима. Когда-то – «Бугай». Гроза двора, крепкий, как дубовый ствол, парень с секции бокса. Его тогдашняя форма вспоминалась чёткими контурами: плечи, налитые упругой силой, перехваченные мощной шеей, точёный пресс под футболкой. Теперь же...

Тело разбухло, расплзлось, словно тесто, забытое в тепле. Футболка, некогда обтягивающая мышцы, ныне отчаянно натягивалась на огромный, дряблый живот, торчавший, как мешок с мукой. Лицо заплыло жиром, сгладив скулы, почти скрыв когда-то цепкие, быстрые глаза. Теперь они тонови в подушках плоти, мутные, влажные, с красными про-

жилками. Волосы, коротко стриженные и жёсткие, превратились в сальные пряди, липнувшие ко лбу. Он протянул руку, и Лёша машинально принял из его пальцев, отдающих липкой сыростью, банку пива. Она была тёплой, почти горячей, и скользкой от чего-то высохшего, оставив на ладони неприятный, сладковатый налёт. Дима рассмеялся, и его живот заколыхался жидкой волной под тканью. – Заскакивай, чего стоим? – пробормотал он, и тембр был уже не командирским рёвом с ринга, а сиплым, захлёбывающимся шёпотом. Он не походил на человека, скорее пародия на собственное прошлое – ходячим памятником тому, как быстро и безжалостно среда обитания перемалывает даже самое крепкое, оставляя лишь вялую, дышащую плоть.

Леша обошёл комнату, пробираясь к Петьке. Его нога зацепилась за что-то на полу. Он наклонился. Среди окурков и мусора лежала маленькая, игрушечная машинка – точная копия той, которую он купил годовалому Владу на день рождения. Ярко-жёлтый экскаватор. Здесь, в этой грязи, он выглядел как кричащий артефакт из другого, чистого мира.

– Петь... – Лёша тронул друга за плечо. Под пальцами тело обвисло, безвольное, как мешок с костями.

Петя повернулся нехотя, с трудом, будто тело налилось свинцом. Его лицо распухло – веки опухли, губы расплылись и влажно блестели. Кожа отливала нездоровой желтизной, прорезанной сеткой лопнувших капилляров. Но больше всего пугали глаза. Они плавали где-то в глубине орбит,

мутные невидящие. Зрачки расширились до черноты, почти поглотив радужку. Взгляд скользнул по Лёше, зацепился на секунду и уплыл в сторону – не узнавая, не фокусируясь. – Что здесь происходит? – повторил Лёша, уже чувствуя тошнотворный запах перегара, пота и чего-то химического исходивший от друга.

Петя хмыкнул. Звук родился где-то глубоко в горле, прошёл через хрипы и вырвался наружу влажным, клопочущим бульканьем, словно в лёгких хлюпала не воздух, а сироп. Уголок рта дёрнулся в попытке улыбки, получилась жалкая, идиотская гримаса.

– Всё... супер! Живём, братан. Живём, как хотели. Без предков, без школы, без долгов... – Он сделал глоток из бутылки с какой-то цветной жидкостью. – Свобода, ё-мое – просипел он, и слова сползли в бессвязный шёпот. – Огонь... Ты... чего встал? Танцуй... или... иди на... балкон. Там... весело... – Петя хмыкнул, издав булькающий звук. Рука, тяжелая и неловкая, поднялась и обвилась вокруг плеч девушки, властно притягивая её к себе. Жест был не ласковым, а собственническим, почти демонстративным, будто он показывал трофей. Девушка безвольно поддалась, её голова упала ему на плечо, не меняя каменного выражения лица.

Он был не просто пьян. Его выжигало изнутри адским коктейлем, превратив в дышащую, издающую звуки биомассу. И эта девушка, кукла-гот была таким же продуктом распада – немым, безвольным украшением его личного конца.

– Свобода, – прошептал Алексей, оглядывая гостиную. – Это... помойка.

– Ага, – беззвучно засмеялся Петр – Но наша помойка. Сам выбрал. Помнишь, как мы мечтали? Забить на всё? Ну вот. Забили. – Он ткнул пальцем на стол с «химией». – Это чтобы не думать, как дальше жить. А дальше... ни-че-го. Просто... день. Потом ещё один и ещё. Бесконечный день, братан. Как в песне.

Лёша ещё раз оглядел присутствующих. В них отсутствовала радость. Не было даже злорадства, только апатия, граничащая с растительным существованием. Лёша скользил взглядом по потухшим лицам, и его взгляд зацепился за девушку у стены. Худая, в потрёпанной куртке, трясущимися, почти не слушающимися пальцами зажигала сигарету. Сначала не узнал её. Просто ещё одна потерянная душа. Но, когда она откинула со лба грязные длинные волосы, что-то дрогнуло в памяти. Острые скулы, родинка над губой, которую он когда-то целовал... Ледяной укол пронзил его.

– Кать? – голос Лёши прозвучал над треснутым, сдавленным шёпотом. – Это... И впрямь ты?

Девушка посмотрела на него: замутнённый взор долго скользил по нему, не узнавая. После, будто сквозь густой туман, в них мелькнула искра – не радости, а мучительного, болезненного узнавания. Губы дрогнули, пытаясь сложиться в подобие улыбки, и получилась жалкая гримаса.

– А, Лёх... Ты чего тут? Я... я здесь... просто. Отдыхаю.

«Отдыхаю». Это слово, произнесённое среди воню и безнадёги, прозвучало как самый горький приговор.

— Но... как? — Лёша сделал шаг вперёд, не веря. — Ты же... готовилась к экзаменам. Мечтала на журфак. Помнишь, репетировала, как будешь брать интервью? Говорила, что тебе вручат «ТЭФИ»...

Катя отвела взгляд, глубоко затянулась. Дым выдохнула медленно, будто выпуская последнее призраком той, прежней себя.

— Забила, — просто сказала она, глядя куда-то мимо него. — Ты же сам говорил: «Не парься, Кать. Всё это — буржуйская шелуха. Забей». Ты так убедительно говорил. Я верила. Любила.

И в это мгновение его накрыло воспоминание. Резкое, как удар в солнечное сплетение.

Весенний парк за школой дышал сырой прохладой. Воздух, промокший от недавнего дождя, пах прелой листвой и свежей землёй. Они сбежали с последнего урока. Лёша, чувствуя себя повелителем этой маленькой вселенной, с важным видом достал из рюкзака смятую пачку сигарет и банку пива, ещё хранившую тепло магазинного холодильника.

— На, держи, — протянул он Кате, и голос прозвучал снисходительно-ласково, как у взрослого, предлагающего ребёнку запретную сладость. — Глоточек. Для смелости.

Катя замерла. Её глаза, широкие и ясные, метнулись от банки на него. На щеках вспыхнул румянец, яркий, как май-

ский мак. Она попятилась, к стволу плакучей ивы.

– Лёш! Я не буду...

Он не дал договорить. Мягко, но неотвратимо обвил её плечи руками, притянул ближе, поцеловал в приоткрывшие губы.

– Ну же, Катюха, смелее, – в шёпоте зазвучала опасная, сладкая нота. – Если любишь – надо всё делить. И плохое, и хорошее. Или... мне не доверишь?

В её взгляде разыгралась целая буря. Страх – острый и холодный – боролся с желанием быть своей, понятой, принятой в его крутом, взрослом мире. А над всем этим царила влюблённость – слепая, щемящая, готовая ради его улыбки переступить через собственный страх. Длилось это мгновение. Потом ресницы дрогнули. Она потянулась к банке, трясущимися пальцами, коснулась его ладони.

Катя отпила. Один маленький, неловкий глоток. Лицо её мгновенно скривилось от горького, непривычного вкуса. Она зажмурилась, губы сжались в тонкую ниточку, по телу пробежала судорога. Она закашлялась – сухо, надрывно, прикрывая рот ладонью.

А он рассмеялся. Звонко, легко, победно. Его рука скользнула с её плеча на затылок, пальцы впутались в мягкие, чуть влажные у висков волосы.

– Молодец, – произнёс он, с неподдельной, почти что собственнической нежностью. – Моя девочка. Вот теперь – своя в доску.

Он гладил её по голове, а она, всё ещё кашляя, смотрела на него сквозь слёзы, выступившие от першения в горле. В этих слезах было не только физическое неудобство. Была горечь первого предательства самой себя – тихого, почти незаметного, но такого важного. А он этого уже не заметил, опьяненный только своей победой.

Алексей не просто предлагал. Он внушал, выстраивал мир, где отказ от мечты был знаком доверия ему, а принятие его яда – доказательством любви. Он не тянул осознанно её на дно, однако убедил, что дно – это и есть настоящая, реальная жизнь, свобода от «буржуйских» глупостей вроде учёбы и амбиций. И она, влюблённая, поверила.

– Я... не хотел... Катя! Я не это имел в виду, – глухо вырвалось у него сейчас, но слова повисли в тяжёлом воздухе пустыми, ничего не значащими звуками.

Катя пожала одним плечом, до конца докуривая сигарету.

– Да какая разница, что ты имел. Всё получилось, как ты говорил. Всё – тлен. Вот и я – тлен. Всё логично.

Она швырнула окурок на мокрый пол и отвернулась, уставившись в стену, окончательно и бесповоротно вычеркнув его из своего пространства. В её позе не было обиды, лишь полная, окончательная капитуляция. Она стала тем, кем он, сам того не понимая, годами убеждал её быть: пустым местом. Живым укором. Картиной, которую нарисовали его собственные слова и поступки.

Лёша отступил, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

Только сейчас он начал осознавать, что потянул за собой в пропасть. И эта пропасть обрела плоть, кровь, имя и лицо Кати. Девушки, которая мечтала брать интервью, а теперь не могла даже уверенно зажечь сигарету. Он увидел прямую причинно-следственную связь.

Лёша почувствовал, как внутри всё сжалось в тугой, тошнотворный ком. Он сделал шаг вперёд.

– Кать, прости, – его голос сорвался, стал низким и надтреснутым. – Я не это имел в виду. Я не хотел, чтоб так... Пошли со мной. Сейчас же. Это место не для тебя.

Он протянул руку, нащупал её холодные, почти неживые пальцы и сжал их. В его ладони её рука лежала безвольно как плеть. Он потянул, пытаясь оторвать её от стены, от клочка заплесневелой реальности, который считала своим «отдыхом».

Катя резко дёрнула руку. Её движение было не злым, а скорее машинальным, как у растения, отстраняющегося от прикосновения.

– Отвали... – прошипела она, не глядя. – Не мешай отдыхать. – Но потом что-то дрогнуло в её замутнённом взгляде. На миг сквозь пелену апатии пробилась та самая, когда-то умная и острая девочка. Она посмотрела на Лёшу, и в глазах мелькнула такая бездонная горечь осознания, что ему стало физически больно. – Уходи, Лёш, – прошептала уже тише, почти с жалостью. – Спасайся сам. Меня... меня уже не спасти. Ты опоздал.

– Нет! – отчаяние придало ему сил. Он обхватил её за плечи, пытаясь развернуть, вырвать из этого плена. – Я тебя заберу! Ты должна...

И тут воздух вокруг сгустился. Давление, исходившее от самых стен, от мерцающих ламп, от самого понятия этой станции, обрушилось на него всей своей тяжестью. Это не был чей-то приказ. Это был закон места, который гласил: добровольно пришедшие не уходят. Катя вскрикнула, коротко, не от боли, а от внезапного внутреннего разрыва. Тело стало невероятно тяжёлым, будто вросшим в пол. Из её груди вырвался не звук, а нечто вроде радиочастотного шума – искажённый голос диктора, наложивший на её собственный:

– Пассажир Екатерина. Прибытие – окончательно. Выход – заблокирован.

Лёшу отбросило. Не силой, а ощущением непреложной истины, с которой нельзя спорить. Он отлетел на шаг, и между ними легла невидимая, но непреодолимая граница. Катя пошатнулась, и пустота в её глазах сомкнулась вновь, окончательно и бесповоротно. Она медленно сползла по стенке, уткнувшись лицом в колени. Больше на него не смотрела, вернулась в свой «отдых». В своё небытие.

Станция не позволила. Она охраняла своих пленников. Лёша стоял, дрожа, смотря на сгорбленную фигуру, которая когда-то смеялась и мечтала о «ТЭФИ». Он опоздал не на минуту – на годы. И плата за его прозрение – это невозможность искупить ту тьму, которую он когда-то сеял. Он мог

спасти только себя. И это спасение отдавало в сердце ледяным пеплом.

И тут он увидел на липком от пролитых напитков столике, среди окурков и разорванных пакетов от чипсов, старый потрёпанный томик в картонном переплёте – «Герой нашего времени». Его книга. Та самая, выданная в прошлом году по школьной программе и так никогда не открытая, заброшенная на дальнюю полку. Кто-то использовал её как подставку под стакан: на обложке расплывалось мутное жёлтое кольцо от влаги, углы были замяты. Знак его собственного невежества и забвения, ставший здесь частью декораций упадка.

Виб-виб. Виб-виб.

Звонок в кармане прозвучал как выстрел в этой гнетущей какофонии. Лёша выхватил телефон. «Мама». Он посмотрел на экран, потом на Петю, на комнату – предполагаемый эпицентр его свободы.

– Не парься! Бросай трескотню, – проворчал Бугай. – Кто звонит-то? Предки? Отключи и забудь, как мы все.

Лёша поднял палец, чтобы сбросить вызов, но вдруг замер. Он смотрел на горящий экран с родными буквами, а вокруг него разворачивалось его «свободное» будущее – не жизнь, а медленная, добровольная смерть личности. В том мире не оставалось места ни для младшего брата, нуждающегося в защите, ни для матери, ранимой словом. Даже для бунта нужна была жажда, а эти люди уже ничего не хотели. Они просто существовали в вечном дне свободы, обернув-

шемся сумерками души.

– Нет, – чётко сказал Лёша. Он не отключил телефон, просто засунул обратно в карман, чувствуя его вибрацию у сердца. – Это не моё.

Он отступил к двери. Петя даже не обратил внимания, что друг уходит. Он уже снова утонул в своих мыслях, точнее, в их отсутствии.

Лёша выбежал на лестничную клетку. Дверь захлопнулась, приглушив музыку. Он стоял, прислонившись к перилам и дышал, как после долгого утопления. Воздух здесь, вонючий и пыльный, казался слаще любого дыма в гостинной.

Внизу, в пролёте между этажами, зашипел и заскрипел динамик:

– Станция «Вечный день свободы». Конечная не для всех. Следующая станция «Призрачный коридор».

Лёша зыркнул на дверь квартиры №52, за которой тлела его возможная будущность. Он сделал шаг – не к отступлению, а к развороту.

Тёмная кабина поглотила его. Пока лифт с тихим скрежетом спускался в шахту, груз осознания навалился всей своей невыносимой тяжестью. Как же это просто – свернуть. Один раз сказать «забей». Один раз протянуть банку пива со словами о доверии. Один раз самому поверить в бессмысленность всего. И поезд уже несётся под уклон, а ты не понимаешь, когда пересёк черту, после которой «просто отдохнуть» становится смыслом. Простота падения оказалась обманчи-

вой и всепоглощающей ловушкой. Она не требовала усилий, только капитуляции.

А назад... Идея билась, как пойманная птица. Назад – это не сесть в поезд. Назад – вытаскивать себя за волосы из трясины, день за днём. Это смотреть в глаза тем, кого толкнул, и видеть в них своё отражение – не героя, а тлю. Чувство вины пожирало его изнутри, острее любого голода. Катя. Её пустой взгляд. Он не просто падал сам – он утянул за собой другого. И теперь, спасая свою шкуру, бросал её там, на дне. Эта мысль жгла сильнее страха за себя.

Двери лифта разъехались, открыв мрак шахты. В нём, словно первобытный зверь в пещере, ждал чёрный, беззвучный состав. Лёша вошёл в вагон. Он ехал уже не как пассажир, а как осуждённый, чей путь вёл к личной гибели.

Поезд рванул с места, и Лёшу откинуло на холодное, сырым насквозь сиденье. Слова проступили в сознании с горьким привкусом. Значит, дорога назад существовала, но не была возвращением. Больше напоминало дьявольский осмотр своих руин перед долгим, мучительным восхождением.

Он ехал с одной, выжженной виной мыслью: увидеть эту гибель до конца. Узреть её, чтобы каждой клеткой знать, какую цену платят за лёгкость. Чтобы этот образ – не абстрактный страх, а отчётливая, пропахшая плесенью и пеплом картина – навсегда отбил охоту сворачивать. Чтобы никогда больше не оказаться там, не стать ещё одним пятном

на земле мимо которого кто-то будет в ужасе пробегать.

6 Глава. Станция «Призрачный коридор»

Поезд вынырнул из туннеля, но вместо пугающих пейзажей замер на станции, поразившей своей... заурядностью.

Просторное, залитое холодным светом пространство было отделано дешёвым пластиком, светло-серым бетоном и полосами выцветшей краски. Воздух – сухой и неподвижный – пропах старыми книгами, прогорклым кофе из автомата и скукой казённого учреждения. Всё напоминало бесконечный, безликий коридор гигантского учебного корпуса. На это указывали и молодые, усталые лица, сновавшие туда-сюда с однотонными папками и потрёпанными ноутбуками.

Двери открылись с тихим шипением. Лёша вышел. Его ноги ступили на шершавый, в серую крапинку линолеум, потертый до блеска бесчисленными шагами. Звук глухо впитывался, растворяясь, как и всякая индивидуальность.

Он уже собрался искать обратный путь, но взгляд зацепился за одинокую фигуру у автомата с шоколадками. Парень в дорогом, идеально сидящем, но тускло-сером пальто. За его плечами болталась новенькая кожаная сумка-портфель с не оторванной биркой. Он стоял недвижимо, вглядываясь в жёлтое под пластиком расписание пар. Профиль – до боли знакомый.

– Серёга? – имя сорвалось шёпотом, полным неверия.

Парень обернулся. Сергей Ломатин. «Золотой мальчик» их параллели – призёр олимпиад, староста, живой пример для подражания. Тот Сергей, которого помнил Лёша, дышал огнём и азартом: выходя на сцену, он зажигал зал декламацией Шекспира, его энергия была почти осязаемой, а слова о том, что «театр – это жизнь», звучали как клятва.

Теперь перед ним стояла бледная копия, выцветший негатив. Лицо утратило живой румянец, кожа стала восковой, почти прозрачной, с лиловыми тенями под глазами, похожими на глубокие печати усталости. Волосы, всегда лежавшие с безупречной аккуратностью, потускнели и выглядели растрёпанными, отдельные пряди безвольно спадали на лоб. Но самое страшное скрывалось в самом взгляде – там, где раньше горел жаркий свет, теперь зияла ледяная, бездонная пустота.

– Жданов! – голос Сергея прозвучал ровно, без интонаций, как у автоответчика. – Что ты здесь делаешь? Тоже на экономический?

– Я... я заблудился, – соврал Алексей, подходя ближе. – Ты же в театральный...

Сергей коротко, беззвучно выдохнул, что-то среднее между смешком и стоном. Он махнул рукой в сторону огромного плаката на стене:

– Экономический факультет. Будущее – за цифрами! Не театральный. Здесь. Эко... ном, – он произнёс так, будто про-

бовал на язык горькое, несъедобное лекарство.

– Но... как? Ты же горел театром! – не унимался Лёша. Ему вдруг отчаянно захотелось увидеть хоть искру того прежнего огня.

Сергей наконец посмотрел на него. В глубине затуманенных глаз что-то дрогнуло – не свет, а трещина, через которую проглядывала старая, не зажившая боль.

– Горел, – поправил он тихо. – Пока отец не залил этот огонь. Буквально. – Он сделал резкое, порывистое движение – расстегнул верхние пуговицы рубашки, пальцы на мгновение задрожали, не слушаясь. На ключице, прямо под кадыком, синевато-жёлтым пятном лежал старый, вросший в кожу синяк. Форма странно напоминала отпечатки пальцев – широких, сильных, сжатых в кулак. – Июнь. Приёмная комиссия Щукинского, – тембр оставался ровным, сдавленным, словно его пропускали через плотный слой ваты. Но лицо выдавало всё: уголки губ, обычно мягкие, заметно опустились, застыв в гримасе глухой, застарелой обиды. Желваки на скуле мелко и часто подрагивали, как-будто он до сих пор сжимал зубы, сдерживая крик или слёзы. Глаза, грустные и пустые, на секунду заострились, в них мелькнула острая, как лезвие, вспышка унижения, прежде чем снова погаснуть в привычной апатии. – Он вошёл, схватил за шиворот и вынес на улицу, как мешок с мусором, – дыхание на миг прервалось, став чуть громче, прерывистее. Казалось, даже сейчас, спустя месяцы, прикосновение к тому месту отзывалось

тупой, фантомной болью. — Перед всей очередью. Сказал... — Сергей сглотнул, и его кадык резко дёрнулся. — «Ты что, клоуном на паперти собираешься стоять? Позорище семьи». Я попробовал возразить... — Он не закончил. Просто провёл пальцем по ключице, по гематоме. Этот жест был красноречивее любых фраз. Лёша замер, чувствуя, как по спине пробегают холода. Он помнил Валентина Ивановича — массивного, с лицом, высеченным из гранита. Но чтобы вот так, на людях... — Потом, — продолжил Сергей, медленно застёгивая пуговицы, скрывая свидетельство, был долгий, методичный разговор с калькулятором в руках. Сколько я буду зарабатывать «клоунством» первые десять лет. Сколько — выпускник эконома. Цифры. Только цифры. Мама сидела рядом и молчала, как всегда, когда он говорил. Её тишина давила громче любого крика. — Он перевёл дыхание, и казалось, даже этот простой жест давался с усилием. — Фраза была дословной: «Либо экономический факультет, либо — не сын. Выбирай — койка в общежитии или улица». Угроза выгнать. Отрезать от денег, от дома, от всего, что считал «своей заботой». Я... сдался. Подал документы сюда. Похоронил того парня, который мечтал о сцене, прямо там, во дворе института. Оставил под плитами. — Он говорил без дрожи, без слёз. Эта леденящая, вымороженная ровность и была его настоящей могилой.

— Но ты же можешь всё бросить сейчас! Сбежать! Уйти! Вернуться к тому, о чем мечтал, — вырвалось у Лёши,

и его собственный бунт, «пофигизм» внезапно показались детским, надуманным спектаклем перед этой капитуляцией души. – Брось всё! Иди, работай! Начни с любой! Разгружать вагоны, мыть полы, да что угодно! Появятся свои деньги – и зависимость, как рукой снимет. Сам себе хозяин. Пусть начало будет тяжёлым, придётся поголодать. Зато свобода, которую купишь такой ценой, будет горькой, солёной и абсолютно твоей – выстраданной и завоёванной.

Сергей медленно, будто против воли, посмотрел на расписание, висящее на доске. Его взгляд, как шлагбаум, опустился по строчкам: «Микроэкономика», «Бухучёт», «Корпоративные финансы». Он не ответил сразу. Просто лукаво усмехнулся одним уголком рта, и усмешка выглядела страшнее любых слов.

– Куда? – Вопрос повис в воздухе – не вызов, а признание капитуляции. Голос стал тише, но от этого звучал только безжалостнее. – Копейки в кармане не звенят. Опыта, чтобы выжить в одиночку – ноль. Всё, что осталось от того парня – цитаты из трагедий да умение вовремя замолчать на сцене. Разгружать вагоны? – Он разжал ладонь, и перед Лёшей предстали длинные, изящные пальцы – инструмент пианиста, актёра, созданный для другого мира. – Отец инвестировал в меня не капитал. Он вложил блестящую бесполезность для всего, что выходит за рамки его чертежей. В реальности, где правят его алгоритмы и сводки, мои таланты не накормят даже мышь. Он загнал меня в тупик своими расчётами. Те-

перь эти формулы пустили корни глубже, чем память. Они стали каркасом вместо скелета, ядом в крови вместо адреналина. Страх, Лёха, оказаться на асфальте с корочкой клоуна и руками, пригодными лишь для красивых, но пустых жестов. Он всё просчитал, до последней запятой и поставил на мне жирную точку, а не многоточие. Спать на вокзале? Шутить? Питаться чем попало? Это страшнее, Лёха, чем койка в общежитии, где неуютно и пахнет чужим потом. Но там – крыша, предсказуемость, стабильность. А в твоём варианте, только грязь, холод и унижение, которые ничего не докажут и никуда не приведут. Я не готов к такому жесту. Даже красивый бунт должен иметь смысл, а в моём случае... падение в канализацию с криком «Свобода!» на устах. Бессмысленно. Унизительно. Отец, в конце концов, хоть обеспечивает чистую постель. А твоя свобода пахнет и будет вонять перегаром и отчаянием. И я... я уже привык дышать стерильным воздухом его планов. Пусть он отравлен, зато не обжигает лёгкие ледяным ветром с улицы. – Он говорил, бессознательно проводя ладонью по гладкой шерсти своего дорогого пальто – жестом, который выдавал больше, чем слова. Сергей не просто боялся неустройства. Он боялся обмена контролируемого ада на хаотический, где его изящные жесты и цитаты станут не оружием, а посмешищем. Его капитуляция была тотальной.

Виб-виб. Виб-виб.

Звонок в кармане Лёши разрезал тишину. Сергей вздрог-

нул всем телом, как от удара током. Его затуманенный взгляд упал на карман, и на миг мелькнуло что-то узнаваемое и давно похороненное – не то жалость, не то зависть.

– У тебя телефон, кажись, звонит, – констатировал он. – У меня тоже когда-то звонил. Постоянно... В то время отец орал как ужаленный. Я перестал брать трубку, поставил на его номере беззвучный режим. И на мамин тоже. Не смог простить её молчание. Тишина... она удобнее. Не болит. Родичи оплачивают учёбу, и пересылают бабло на карту, как акт временного перемирия. – Лёша смотрел на призрака в униформе студента, который добровольно встал в непрерывный ярко освещённый поток, чтобы раствориться в нём без следа. Он не видел выхода, или не хотел, предпочитая таращиться на расписание, автомат с кофе – на рамки своей новой, навязанной жизни. – Мне на пару, – Ломатин, лишённым всякой энергии, поправил ремень невзрачной, чёрной сумки – точь-в-точь такой же, как у сотен других вокруг. – Удачи, Жданов. Старайся не попадать в такие... места. Они не имеют выхода. Только протяжённость.

Он зашагал, бесшумно растворяясь в едином людском потоке – бледном, усталом, безликом. Его силуэт таял, смешиваясь с другими, такими же, вдали длинного, ослепительно белого тоннеля из стекла и линолеума. Он не просто уходил, стирался, как ненужная пометка на полях учебника.

Этот стерильный, правильный проход показался Алексею страшнее тёмных подземелий и болот. Здесь не было де-

монов или монстров. Здесь убивало само пространство – бездушное, методичное, превращающее живых людей в послушных призраков, обречённых ходить по кругу чьих-то решений.

– Станция «Призрачный коридор». П посадка окончена. Поезд отправляется.

Алексей снова сел в вагон. Он думал не о том, что поступление в вуз – это зло. Он думал о том, что сломаться возможно по-разному. Можно сгореть в уличном "огне" или умереть от слов, сказанных сгоряча.

А можно – вот так. Беззвучно. Позволив похоронить себя заживо в идеально спроектированном, бездушном лабиринте как Сергей.

И тут Лёшу осенило с такой ясностью, от которой перехватило дыхание. Сергей стал жертвой чужого замысла. Его отец, как безжалостный архитектор, выстроил вокруг сына идеальную тюрьму – из цифр, угроз, семейного долга. И Сергей, сломленный, вошёл в неё, захлопнул дверь с внутренней стороны и выбросил ключ. Его трагедия была в отказе от авторства. Он позволил другому человеку написать за него сценарий жизни, пусть и отвратительный, став персонажем пьесы – послушным, предсказуемым, мёртвым.

С ним, Лёшей, всё было иначе. Да, он летел в пропасть. Да, он натворил ужасных вещей. Но эту пропасть он вырыл своим равнодушием, как лопатой, словами-ножами, пьяным, тупым выбором на кухне квартиры друга. Он не пассажир,

сброшенным с поезда, а машинист, который свернул не туда и дал газу, закрыв глаза.

Его ярость, отчаяние, бунт – не свалилось на него извне как грипп. Он лелеял их, взращивал, как ядовитый сад в собственной душе, отталкивая тех, кто тянул его к свету, и тянулся к тем, кто звал во тьму. Каждое «пофиг», хлопок дверью, взгляд сквозь близкого человека – был кирпичом в стене, которую он возводил между собой и миром. Теперь оказался в заточении, где стены выстроены по его собственным, искажённым чертежам. Это и было то самое «право на собственный провал»: страшное, горькое, но единственно настоящее право, которое у него оставалось. Сергей потерял себя, отказавшись выбирать. Лёша же терял себя, но – выбирая. Каждый раз. Даже когда выбор был ужасен.

Его дорога вела в иную сторону – в хаос, сотканный из взрывов и риска. Но этот хаос питался его собственной кровью и злостью, выстраданный и присвоенный, в отличие от порядка навязанного кем-то. И впервые за этот бесконечный день в нём шевельнулось не злость, а щемящее прозрение.

Тот, кто сам построил свой ад – знает его план, и возможно, единственный, кто сможет найти из него выход. Не спасительный круг, протянутый извне, а свой, выстраданный, купленный ценою каждого прожитого кошмара. Но чтобы найти его, нужно сначала дойти до самого дна. До конца петли.

Поезд нырял в очередную тьму, увозя от призраков чужого выбора – навстречу демонам, которых он породил сам.

7 Глава. Станция «Безмыслие»

Поезд вполз под своды станции протяжным, утробным рокотом, который прорвался сквозь металл и впился в кости. Когда Лёша вышел, дверь захлопнулась за ним – и этот щелчок тут же поглотил новый звук: вселенский, низкочастотный, ни музыки, ни движения. Гул работы – исполинского, бездушного механизма, чьё дыхание заполнило всё пространство до краёв. И это пространство сразило его своим чудовищным масштабом. Поначалу мелькнуло ощущение, будто он попал на палубу космического дредноута из фантастического блокбастера – такое же безлюдное, холодное и залитое синим светом аварийных ламп. Но приглядевшись, понял: это не космос. Под низким, закопчённым сводом раскинулось чрево гигантского, спящего под землёй механического Левиафана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.